

Библиографические ссылки

1. Грибов, Ю. Лицом к России : [Текст] / Ю. Грибов // Литературная учёба. – 1980. – № 5. – С. 94–99.
2. Кафтан Л. Тайны государственного архива: Как выдумали подвиг панфиловцев и развалили СССР : [Текст] / Л. Кафтан // Комсомольская правда в Украине. – 8–14 июля. – 2011 – № 145/27 (3845/25240).
3. Ортенберг Д. Каким я его знал : [Текст] / Д. Ортенберг // Константин Симонов в воспоминаниях современников: Сборник – М. : Советский писатель, 1984. – 608 с. – С. 86–112.
4. Палиевский П. В. Литература и теория : [Текст] / П. В. Палиевский. – М. : Современник, 1974. – 222 с.
5. Полевой Б. Н. Встречи на перекрёстках : [Текст] / Б. Н. Полевой. – М. : Советский писатель, 1961. – 440 с.
6. Полевой Б. Н. До Берлина – 896 километров : [Текст] / Б. Н. Полевой. – М. : Воениздат, 1978. – 296 с.
7. Рубашкин А. Эренбург на войне : [Текст] / А. Рубашкин // Вопросы литературы. – 1985. – № 2. – С. 31–57.
8. Симонов К. М. Дни и ночи : [Текст] / К. М. Симонов // От нашего военного корреспондента. – М.: Воен. изд. Министерства Вооружённых Сил Союза ССР, 1948. – С. 261–272.
9. Симонов К. М. Фронт. Очерки и рассказы. 1941–1945 : [Текст] / К. М. Симонов. – М.: Воен. изд. Министерства обороны Союза ССР, 1960. – 408 с.
10. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя : [Текст] / К. М. Симонов. – М. : Молодая гвардия, 1975. – 496 с.
11. Симонов К. М. Собрание сочинений: В 10 т.
12. Сурков А. Великая Отечественная война и литература : [Текст] / А. Сурков // Вопросы литературы. – 1967. – № 6. – С. 19–25.
13. Федин, К. А. Собр. соч.: В 9 т. – М.: ГИХЛ, 1960.
14. Шолохов М. А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Худож. лит., 1986.
15. Эренбург И. Г. Летопись мужества : [Текст] / И. Г. Эренбург. – М. : Сов. писатель, 1974. – 384 с.
16. Янская И., Кардин В. пределы достоверности: Очерки документальной литературы : [Текст] / И. Янская, В. Кардин. – М.: Сов. писатель, 1986. – 432 с.

Надійшла до редколегії 23.04.11

УДК 882

О. А. Драган

г. Харьков

ОБРАЗ ЛАДЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. МАРТЫНОВА

Розглядається специфіка функціонування образу тури в творчості Л. Мартинова, а також трансформації ключового для письменника образу та закономірності його розвитку.

Ключові слова: лірика, човен, море.

Рассматривается специфика функционирования образа ладьи в творчестве Л. Мартынова, а также трансформации ключевого для писателя образа и закономерности его развития.

Ключевые слова: лирика, лодка, море.

The specificity of functioning of the image of a rook in literary works by L. Martynov is examined in the article. Transformations of the writer's a key image and regularities of its development are also considered.

Key-words: lyrics, boat, sea.

Одним из главных, ключевых образов в творчестве Леонида Мартынова является образ ладьи, как бы пришедший в его произведения по волнам древних русских рек и студеных сказочных морей, – от времен русских землепроходцев и путешественников в далекие северные страны и златокипящие мангазеи, в пушные и алмазные края. Цель статьи – проследить становление ключевого образа ладьи в творчестве Л. Мартынова, определить его специфику, трансформации, смысл и место в его творческом наследии. «Каждый образ, – отмечает Н. Павлович, – существует в языке не сам по себе, а в ряду других – внешне, возможно различных, но в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализует некий общий для них смысловой инвариант, т.е. модель или парадигму» [5, с. 28]. Обращаясь к истокам образа ладьи в русской поэзии и прозе, можно заметить, что этот образ уже на протяжении нескольких веков воспринимается в рамках определенной парадигмы. Этот смысловой закон действует в равной степени и в поэтическом и в прозаическом языке. Разные парадигмы образа ладьи характеризуются при этом разной степенью устойчивости. Они широко распространены, известны и хорошо узнаваемы. Так, ладья (корабль) отождествляется с птицей – чайкой, ласточкой, лебедем: «То падая, то подымаясь, птицы / ныряли, точно белые ладьи» [7, с. 145], (причем данная парадигма образов является обратной, что говорит о ее устойчивости, укорененности в русском поэтическом языке) иногда – с другими животными – лиса, бобер, медведь; иногда – с людьми: ладья – молодлица; иногда – с пространственными понятиями: «Облака опять поставили / Паруса свои / В зыбь небес свой бег направили, / Белые ладьи» [1, с. 89]. Образ ладьи, движимый сильным гребцом-поэтом к далекому Лукоморью, прошел через все творчество Л. Мартынова, начиная от ранних стихов («Река Тишина», «Воздушные фрегаты») до знаменитой и великолепной послевоенной переправы и заканчивая едва ли не прощальным по своему смыслу а, может быть, и замыслу стихотворением «Преображенья». Безусловно, любимый образ присутствовал и в автобиографических книгах писателя.

В первой книге воспоминаний «Воздушные фрегаты» одну из глав Мартынов назвал «Моя ладья». В ней автор говорил, что если бы он имел обыкновение «ставить на свои книги экслибрис, то в качестве постоянного книжного знака избрал бы изображение ладьи» [3, т. 3, с. 63]. Его воображению романтика, которому он остался верен до конца дней, постоянно виделась некая ладья-красавица с высоко поднятым форштевнем и сильным гребцом, погружающим весла в крутые волны. «Она сопровождала меня со дней нежного отрочества, – писал он. И пояснял дальше: «...у каждого есть своя сквозная тема, продиктованная некими первичными, а может быть, даже и унаследованными переживаниями, ощущениями, желаниями, мечтами: взять в руки весло и править, вдруг неожиданно обнаружив, что у тебя в руках не весло, а перо!...» [3, т. 3, с. 63]. Образ ладьи заслуживает особого внимания потому, что на него направил наш взор сам автор в своей автобиографической книге. В этом образе есть некая поэтическая недосказанность. Если считать образ ладьи своеобразным ключом к художественному миру поэта, то возникает вопрос: почему именно ладья могла пленить воображение мальчика, родившегося и выросшего в континентальном Омске? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности: большинство мальчишек мечтает о дальних странах. Ведь с одной

стороны город был окружен тайгой, с другой же простирались сухие полынные степи, хотя недалеко протекала река Иртыш и ее приток – небольшая речушка Омь. По ним чаще всего сновали лодки-тоболки, а небольшие пароходы спускались в те годы из-за северных излуч довольно редко. Реку Мартынов полюбил с детства. В. Дементьев, биограф и исследователь творчества поэта, пишет об этом так: «В любую погоду, в любой ветер он выходил на тоболке, небольшой лодке, на Иртыш “танцевать” на его вспененных волнах» [2, с. 21]. Позднее, будучи гимназистом, Мартынов подружился с перевозчиком на Иртыше, военнопленным-венгром Миклошем, который охотно давал ему лодки напрокат. Можно предположить, что эта любовь к лодкам и послужила поводом для избрания их ключевым образом-символом в творчестве писателя.

В главах автобиографических книг автор часто дает поэтические комментарии ко многим своим стихотворениям. В главе «Аллея причуд» («Воздушные фрегаты») поэт рассказывает, что толчком, первоначальным импульсом для написания стихотворения «Река Тишина» мог послужить разговор с начинающей поэтессой Зинаидой Корнеевой, предложившей ему проплыть на лодке по Оми (название реки с татарского переводится как «тихая») в ночь ледостава. В стихотворении, кроме уютной лодки, можно проследить и другие атрибуты – опасную переправу, неизвестную спутницу, и главное – мотив тревожности, напряженности, близкой утраты чего-то невозможного. Читая стихотворение, мы как бы попадаем в мир мартыновской фантазии, созданный поэтом с удивительным мастерством. Здесь предметы колеблются, видоизменяются, претерпевают удивительные метаморфозы. Так колеблются и то припадают к грунту, то взвиваются ввысь водоросли, омываемые морскими или речными течениями. Такая картинка завораживает, и невольно читатель сам становится участником действия, каким, по существу, является большинство стихотворений Мартынова. «Река Тишина» у Мартынова фантастична и по ней плывут двое, он и она: «Я гребу во тьме,/ Женщина сидит в корме,/ Кормовое весло у нее в руках,/ Но, конечно не правит – я правлю сам!» [3, т.1, с. 54].

Так, в стихотворении сосуществуют и взаимодействуют чувства благоразумия и одержимости, робости и смелости, забвения и беззаветной любви. Главный вывод, к которому можно прийти, читая «Реку Тишину», утверждает неисчерпаемость и сложность духовного облика человека: ты не можешь смириться с утратой чего-то возвышенного, необыкновенного, призрачно-прекрасного. Таким образом, в «море жизни», определяющем содержание и форму стихотворений Мартынова, нам видится ключевой образ лодки-ладьи, приходящий через все его творчество и придающий ему определенную музыкально-смысловую цельность.

Название первой автобиографической книги Мартынова «Воздушные фрегаты» тоже связано с образом лодки, хотя оно и несколько метафорично. В одноименной главе поэт старается выяснить, «как зарождаются стихи, почему одни стихи выходят, а другие не получаются и почему, когда порой задумываешь одно, получается совсем другое» [3, т. 3, с. 189]. В этой главе Мартынов дает комментарий к своему одноименному стихотворению, где образ воздушных фрегатов также обозначен как сквозной: «Померк багряный свет заката / Громада туч росла вдали/ Когда воздушные фрегаты/ Над самым городом прошли» [3, т. 1, с. 18]. «Прошли»

фрегаты, и оказалось, что в «призрачном зеленом свете» город оказался «будто под водой». Город – морское дно и тучи – фрегаты. Уже в заглавии ощущается метафоричность, которая затем реализуется в тексте. В силу своей выделенности из основного текста, заглавие занимает в нем самую сильную позицию и приобретает многозначность. Будущее, которое также становится сквозным образом в текстах Мартынова, видится таким же, как воздушные фрегаты – облака, плывущие и меняющие свои очертания в бездонной синеве неба... Читая классическую поэзию, где время уподобляется океану, реке, а река, в свою очередь, – времени, мы овладеваем закономерностью, согласно которой жизнь, смерть, время отождествляется с водой, а вода, соответственно, – с жизнью, смертью, временем. Поэтому образ ладьи в стихотворении Л. Мартынова «Переправа» может показаться на первый взгляд непривычным, хотя воспринимается читателем уже в рамках парадигмы, связанной с мифологическим началом. В этом стихотворении, о лирико-философском складе которого Мартынов упоминает в своей прозаической книге, автор выражает некоторые типичные особенности того трудного времени, когда страна переходила от войны к миру. «В “Переправе” ставятся главные проблемы творческого существования современного художника: иллюзорность и реальность искусства, прозаический ум и вдохновение, трезвая действительность и сомнамбулическое состояние “Я”», – замечает В. Дементьев [2, с. 154]. На глазах читателя современность превращается в греческий миф о Хароне – перевозчике мертвых душ через реку Стикс, а греческий миф обретает черты реальности. В одном из своих рисунков Л. Мартынов, способный художник, собиравшийся когда-то поступать во ВХУТЕМАС, проиллюстрировал сюжет «Переправы». В. Дементьев пишет, что ему «...довелось видеть собственную иллюстрацию Леонида Мартынова к стихотворению “Переправа”. В ней есть что-то, – отмечает он, – от фрескового примитива: ладья и сидящие в ней люди максимально обобщены; фигура Харона (лирического героя), фигуры людей обращены в профиль, поданы в плоскостной манере. Мартынов хотел выразить сложно-метафорический смысл стихотворения: Харон вырастает из острой кормы ладьи, а ладья, в свою очередь, перевоплощается в Харона и его спутников» [2, с. 156]. Как известно, образ ладьи восходит еще к древним мифам о смерти как о путешествии по реке времени, переезде на тот берег Стикса. Мифологические импровизации лирического героя здесь очень далеки от современников. Таковой видится идея стихотворения. Им, современникам, людям, пережившим страшную войну, показались бы наивными видения страшного суда на другом берегу реки. В «Переправе» поэт прослеживает путь прихода новой реальности к своим современникам, столь непростой для того послевоенного времени.

Ключевой образ ладьи-лодки в творчестве Л. Мартынова «отмыкает» собою не один какой-либо смысл, а сразу множество. Он сам подчиняется ассоциативному богатству художественного произведения, которое чем глубже и значительнее, тем все меньше поддается простому пониманию и «отмыканию». А. Павловский, размышляя об образах-символах в поэзии Мартынова, говорит, что «...они постоянно трансформируются, хотя в каждом из превращений всегда можно распознать его внутренний, “исходный” силуэт» [7, с. 86]. Образ ладьи у Мартынова трансформируется непрерывно, его внутреннее движение, перетекание и

видоизменение – это его суть, смысл и содержание. Ладья может перевоплотиться в пароход, входящий в открытое море, и в аэросани, мчащиеся по беспредельным сибирским снегам, и в крылатый, оснащенный парусом буер, скользящий по льду рек, она легко становится дирижаблем, самолетом, локомотивом. В «Воздушных фрегатах» Мартынов описывает полет над Барабинской степью, где в воображении у него возникает не самолет, а корабль. Позже поэт напишет стихотворение, в котором строки: «Но под изогнутым форштевнем / Волшебно пенится вода,/ Мир о своем величье древнем/ Не позабудет никогда!» [3, т. 1, с. 405] – снова поясняют читателю неизменную метафоричность образа, где самолет автор уподобляет кораблю.

Многие стихотворения и главы воспоминаний Мартынов посвятил своей жене Нине Анатольевне. В главе «Явление птицы Ундервуд» он повествует об их знакомстве, здесь читатель также видит много перевоплощений: Иртыш превращается в Иппокрену, а простой конь – в литературного Пегаса, мчащего поэта по бескрайним сибирским просторам, «...принимая, несмотря на свою гривастость и крылатость, всякие обличья – от парусных кораблей до локомотивов!» [4, с. 19]. В поздних лирических стихотворениях, посвященных жене, также присутствует мартыновская метафора, которая образует такое смысловое пространство, которое открывает простор для полета мысли и воображения: «Он залатан,/ Мой косматый парус,/ Но исправно служит кораблю./ Я тебя люблю./ При чем тут старость./ Если я тебя люблю» [3, т. 1, с. 110]. Здесь метафора как бы «переворачивает» смысл стихотворения, будто говоря: морская романтика не только для молодых влюбленных, она – для всех сердец, чувствующих и любящих глубоко и сильно. И поскольку эта стихия во всем подобна морской, то вполне закономерно, что здесь возникает и парус, и тучи, и корабль. О своей верности морской тематике, где неизменно присутствовал образ корабля, лодки, судна, Мартынов также говорил в главах автобиографических книг. Этот факт в известной степени повлиял даже на выбор авторов для перевода. В главе «К проблеме перевода» Мартынов называет такие произведения, как «Моряцкое утешение» Ч. Дибдина, «Ветер западных морей» Теннисона, «Пьяный корабль» Артюра Рембо. Примечательно, что, говоря об излюбленной морской тематике, в главе «Певец полета» Мартынов тонко подмечает приверженность писателя Николая Чуковского теме «...земли и неба, устремления в будущее, ощущение человека как гражданина космоса» [4, с. 119], особенно выделяя ключевую для писателя тему неба, исследуя его переводы Ш. Петефи, М. Конопницкой, Ю. Тувима, А. Важика и др.

В третьей и последней автобиографической книге, «Стоглав», Л. Мартынов неизменно проводит любимый и значимый образ ладьи через многие главы, в которых описывает события, значимые в его творческой судьбе. Может, это и является совпадением, но при описании многих из них – и трагических, и радостных – каким-то непостижимым образом снова появляются лодки, либо их метафорические перевоплощения. Так, в главе «Золотые яблоки» Мартынов с увлечением дополняет рассказ, начатый в книге «Воздушные фрегаты» о прогулке на лодке с Николаем Калмыковым, во время которой они «срезали нос» глиссеру адмирала Колчака. А в главе «О Павле Васильеве» автор рассказывает о первом знакомстве с этим поэтом-«саморекламистом и хулиганом», повествует о второй

встрече с поэтом, когда они с лодочником Миклошем вызволили двух девушек, собирающихся на прогулку с Васильевым. Здесь образ лодки предстает как тревожный предвестник предстоящих трагических событий в жизни Леонида Мартынова, потому как впоследствии знакомство с этим поэтом сыграло печальную роль в жизни писателя, когда по недоразумению Мартынов был репрессирован и сослан в северный край на несколько лет. Опять же обращение автора книги к образу лодки можно считать знаковым, сопровождающим поэта и запомнившимся ему при определенных эпизодах и случаях в творческой биографии. В главе «Друг с полярного круга» Мартынов передает первые впечатления от Архангельска, куда он был сослан первоначально по так называемому «делу Сибирской бригады» в 1932 году (позже поэт прожил три года в Вологде). Пробыв там совсем недолго, Л. Мартынов пишет стихотворение «Заморский корабль в ожидании бревен качался в Архангел-порту», в котором вновь обращает свой взор на неизменный образ – образ корабля. Образ лодки снова становится предвестником грядущих перемен в жизни поэта-сибиряка латышского происхождения Яна Озолина. В одноименной главе Мартынов повествует о знакомстве с Яном, об их совместной подготовке областного совещания писателей. Но к 1937 году, как замечает автор воспоминаний, «...осложнилось положение в мире, атмосфера все сгущалась <...> все походило на то, как если б среди безмятежного зноя вдруг возникли какие-то предгрозовые порывы не только в переносном, но и в прямом смысле слова» [5, с. 489]. Однажды, катаясь на лодке, поэты попали в ураган, и Мартынов заметил, что «...самые большие опасности подстерегают храбрых моряков не в море, а на суше <...> в бурю бывает опаснее в городах!» [5, с. 490]. Предсказания Л. Мартынова оказались не беспочвенны: позднее, не без помощи печально известного Павла Васильева, и Ян Озолин исчез с поэтического небосклона.

В третьей автобиографической книге Л. Мартынов наиболее часто обращается к метафорическим образам лодки, бури и шквалов. Главы этого сборника не были включены в две предыдущие – «Воздушные фрегаты» и «Черты сходства» по известным идеологическим причинам. Во многих из них автор повествует о нелегкой участи коллег-писателей, художников, исчезнувших и забытых, заверченных вихрем страшных событий 30–40х годов. В прекрасном стихотворении «Преображенья» Мартынов пишет о том, что он чувствует себя существом, вышедшим из вод морских. Под его ногами, обрызганными пеной прибоя, хрустит морской песок... Глаза устремлены в хмурое небо, предвещающее бурю. «Но он, вышедший из моря, не боится ненастья, он сам – буря! – замечает А. Павловский. – Более того, он и море, и ладья! Выйдя из моря, поэт уходит в море, оставаясь при этом незабвенным. Поэзия остается на службе людям» [7, с. 84]. Так Леонид Мартынов придал своему ключевому образу окончательный глубокий философский смысл. Гуманистическое содержание его поэзии и его поэтические комментарии в воспоминаниях воплотились в метафору, ставшую символом.

Библиографические ссылки

1. Брюсов В. Я. Стихотворения. – Брюсов В. Я. – М.: «Детская литература», 1971.
2. Дементьев В. В. Леонид Мартынов: Монография. Изд. 2-е, дополненное. / Дементьев В.В. – М.: Советский писатель, 1986. – 304с.

3. Мартынов Л. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Мартынов Леонид Николаевич – М.: Художественная литература, 1977 – Т.1. Стихотворения. – 1977. – 718с. – Т.3. Проза. – 1977. – 414 с.
4. Мартынов Л. Н. Черты сходства / Мартынов Леонид Николаевич – М.: «Современник», 1982. – 224с.
5. Мартынов Л. Н. Дар будущему: Стихи и воспоминания. / Мартынов Леонид Николаевич. Стоглав. – М.: Вече, 2008. – 648с.
6. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы VIII–XX веков. В 2 т. Т.1. Изд. 2-е, стереотипное. / Наталья Витольдовна Павлович. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 848с.
7. Павловский А. И. Советская философская поэзия. / Алексей Ильич Павловский. Мироздание Леонида Мартынова. – Л.: Наука, 1984. – 180с.
8. Ходасевич В. Ф. Стихотворения (Библиотека поэта, Большая серия, Издание третье). / Ходасевич В. Ф. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 464с.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 821.161.1 – 2. 09: 39

Е. А. Евдокименко

г. Луганск

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ПЬЕСАХ О ДЕТЯХ И ПОДРОСТКАХ

Розкриваються особливості використання фольклорних елементів російськими драматургами межі XX – XXI сторіч у творах про дітей та підлітків.

Ключові слова: драматургія, фольклор, приказка, пісня, уособлення, образ.

Раскрываются особенности использования фольклорных элементов русскими драматургами рубежа XX – XXI веков в произведениях о детях и подростках.

Ключевые слова: драматургия, фольклор, поговорка, песня, олицетворение, образ.

The article says about the distinctive features of the folklore elements usage by Russian playwrights of XX – XXI centuries boundary in their plays about children and teenagers.

Key words: drama, folklore, proverb, song, personification, image.

Характерный для XX – начала XXI ст. всплеск интереса к фольклору, традиционной культуре обнаруживает не просто модное направление в мыслях современников: русская речь и русская традиционная культура стремятся к самосохранению. Лучшими врачевателями русского образного слова в нашей современности оказываются произведения фольклора и классические русские произведения [7, с. 29]. Авторы пьес о детях и подростках конца XX – начала XXI вв. также используют в своих произведениях известные нам с детства фольклорные мотивы и образы. В некоторых из них фольклор занимает и более сильную позицию, являясь текстообразующим элементом, основой построения сюжета. Причиной такого активного использования фольклора современными авторами в пьесах о детях является некая волшебность детского мира, вера в вымышленные персонажи, в сказку, игра, которой живут дети. Через разнообразные фольклорные жанры дети знакомятся с культурой, традициями и обычаями своего народа. Становясь старше, дети и подростки приобщаются и проявляют интерес к другим жанрам, более характерным для взрослых.